

СОДЕРЖАНИЕ

МОЯ ЖИЗНЬ

Глава I. Ранние воспоминания

*Честолюбивые мечты моей матери. Военная служба.
Первое подобие полярной экспедиции.*

9

Глава II. В плавучие льды Южного Ледовитого океана

*Подготовка к экзамену на капитана. Я попадаю в состав
Бельгийской антарктической экспедиции.*

21

Глава III. Открытие Северо-Западного прохода

На волосок от гибели. Мое знакомство с эскимосами. Нервы на пределе.

34

Глава IV. Южный полюс

*Я меняю планы: вместо Северного полюса — Южный.
Наши мужественные английские соперники.*

51

Глава V. Во власти дрейфующих льдов

*Мои финансовые успехи. Экспедиция на судне «Мод». Никогда
за всю мою жизнь я не был так близок к смерти.*

61

Глава VI. Финансовые затруднения

*Доктор вычеркивает меня из «списка живых».
Суды, клевета, преследования.*

79

Глава VII. Полет с Линкольном Элсуортом

*Наш первый полет на гидроплане над Северным Ледовитым
океаном. Гидропланы «№ 24» и «№ 25».*

92

Глава VIII. Трансполярный перелет на «Норвегии»

*Перелет над Северным полюсом. Рассказы в газетах.
Слухи и домыслы. Истинные герои и честолюбцы.*

99

Глава IX. О Стефансоне и других

Памяти исследователей Арктики — героев и неудачников.

157

Глава X. Трудности полярных экспедиций

Требования к полярным исследователям. Практическое значение полярных экспедиций.

166

Глава XI. Трудности подбора снаряжения и продовольствия

Снаряжение полярной экспедиции. Опыт, приобретенный нами в походе к Южному полюсу.

173

ЮЖНЫЙ ПОЛЮС

План и снаряжение

Поиск средств для экспедиции. Выбор места для зимовья. Собаки. Экипировка экспедиции.

191

На юг

Планы экспедиции меняются. Атмосфера секретности.

222

На барьере

Мы вступаем в царство льда. Эскимосские собаки. Характер человека меняется в зависимости от условий существования.

266

Зима

Собаки добавляют нам хлопот. Мы видим солнце в последний раз. Полярное сияние. Праздники и будни.

319

К полюсу

Сложности рельефа. Сюрпризы перехода. Когда вода слаще вина. Праздничный обед на полюсе.

397

На север

Подготовка к отплытию. Нас уже перестали ждать. Простые радости возвращения.

495

Моя жизнь

Глава I

Ранние ВОСПОМИНАНИЯ

Честолюбивые мечты моей матери. Военная служба. Первое подобие полярной экспедиции.

Как случилось, что я стал полярным исследователем? Случайного в этом ничего нет, так как с пятнадцатилетнего возраста все мои стремления сосредоточились на единой цели. Все, чего я достиг в качестве полярного исследователя, является результатом обдуманной, добросовестной, тщательной подготовки всей моей жизни.

Я родился в Борге близ Сарпсборга*. Когда мне было три месяца, мои родители переехали в Осло, где я получил воспитание и образование. Я проделал обычный порядок учения без особых событий и затруднений. Отец мой умер, когда мне было четырнадцать лет, и мои старшие братья покинули родной дом, чтобы собственными

* **Сарпсборг** — небольшой провинциальный город в нескольких милях к югу от столицы Норвегии Осло.

Руаль
Амундсен
в начальной
школе.

1880—1881 гг.

силами искать себе пропитания. Таким образом, я остался один с матерью и, повинаясь ее желанию, посвятил себя изучению медицины. Ее честолюбивым надеждам, которых я сам никогда не разделял, не было суждено осуществиться. Когда мне было пятнадцать лет, в мои руки случайно попали книги английского полярного исследователя Джона Франклина*, которые я проглотил с жгучим интересом. Эти книги оказали решительное влияние на избранный мною впоследствии жизненный путь. Из отважных великобританцев, которые в течение четырех столетий тщетно пытались овладеть Северо-Западным проходом**, никого не было храбрее сэра Джона Франклина. Описание возвращения одной из его экспедиций захватило меня, как ничто из читанного раньше. Франклин рассказывает, как ему с несколькими товарищами пришлось более трех недель бороться со льдами и бурями, причем их единственное питание состояло из нескольких костей, найденных в покинутой индейской стоянке, и в конце концов, прежде чем они добрались до самых первых форпостов цивилизации, им даже пришлось для поддержания жизни съесть собственную кожаную обувь.

* **Джон Франклин** — английский полярный исследователь, родился 16 апреля 1786 года. Предпринял несколько экспедиций в Арктику. Последняя его экспедиция, имевшая целью открытие Северо-Западного прохода, отправилась из Англии на кораблях «Эребус» и «Террор» в 1845 году. Не достигнув своей цели, она окончилась трагической гибелью всех ее участников, в том числе и начальника экспедиции Франклина, который умер 11 июня 1847 года.

** **Северо-Западным проходом** называется морской путь вдоль северных берегов Северной Америки из Атлантического океана в Тихий.

Удивительно, что из всего рассказа больше всего приковало мое внимание именно описание этих лишений, испытанных Франклином и его спутниками. Во мне загорелось странное стремление претерпеть когда-нибудь такие же страдания. Быть может, во мне заговорил идеализм молодости, часто увлекающий на путь мученичества, и он-то и заставлял меня видеть в самом себе крестоносца в области полярных исследований. Я тоже хотел пострадать за свое дело — не в знойной пустыне на пути к Иерусалиму, а на ледяном Севере, на пути к широкому познанию доселе неведомой великой пустыни.

Так или иначе, но описания путешествий Джона Франклина имели решающее влияние на мою будущность. Держа это в тайне, так как я никогда не осмелился бы высказать моей матери намерений, которых, я знал, она ни за что бы не одобрила, — я решил сделаться полярным исследователем.

Не ограничиваясь этим решением, я немедленно начал работать над тем, чтобы сделать себя пригодным для такой жизни. Тогда у нас еще не существовало тех спортивных организаций, которые имеются теперь повсюду. Единственные известные нам виды спорта были футбол и лыжи. Хотя игра в футбол меня мало привлекала, я все же стал заниматься этим спортом, чтобы тренировать свое тело и приучить его к выносливости. Лыжный спорт, напротив, мне нравился, и ему я отдался всей душой. В период с ноября по апрель, всякий раз, когда у меня освобождалось время от школьных занятий, я отправлялся на экскурсию на лыжах в Нурмаркен*. Я достигал все больших успехов в этом спорте и одновременно развивал свою мускулатуру.

В те времена дома зимой не особенно хорошо проветривались, и поэтому меня считали чуть не сумасшедшим, так как я непременно желал спать с открытыми окнами, даже в сильные холода. Моя мать серьезно бранила меня за это. Я успокаивал ее заверениями, что люблю свежий воздух. В действительности же я таким образом осуществлял часть проводимой мною тренировки.

Когда мне минуло восемнадцать лет, я сдал выпускные экзамены в гимназии и поступил в университет для изучения медицины. Как все матери, гордящиеся успехами своих детей, моя мать была убеждена, что я являюсь образцом прилежания, но если говорить

* **Нурмаркен** — излюбленное место для состязаний в санном и лыжном спорте, находящееся к северу от Осло.

правду, то я был хуже самого среднего студента. Мать скончалась три года спустя, на двадцать первом году моей жизни, и смерть избавила ее от неминуемого открытия, что честолюбие и интересы мои пошли по совершенно иным путям и что для удовлетворения ее честолюбия и достижения избранной ею цели я не сделал ничего. С огромным облегчением покинул я вскоре университет, чтобы всецело предаться осуществлению мечты моей жизни.

Однако предварительно мне пришлось отбыть воинскую повинность. Я шел на это чрезвычайно охотно не только из желания быть верным гражданином, но и по той причине, что военная служба, по моему мнению, должна была принести мне большую пользу в качестве дальнейшей подготовки к моему призванию. К сожалению, у меня был серьезный недостаток, вследствие которого меня могли забраковать, — я был близорук, о чем не подозревали даже мои родственники и друзья. Недостаток этот постепенно уменьшался с годами, но не прошел и до сих пор. Если бы врач обнаружил его, то меня бы не приняли. К счастью, я никогда не носил прописанных мне очков.

Наконец наступил день, когда я предстал перед врачебной комиссией. За столом сидел врач с двумя ассистентами. Как я вскоре, к моему величайшему удивлению и радости, обнаружил, этот врач, уже пожилой, чрезвычайно интересовался строением человеческого тела. Само собой разумеется, что для осмотра мне пришлось раздеться догола. Старый доктор, тщательно исследовав меня, разразился громкими похвалами по поводу моего физического развития. По-видимому, восемь лет моей непрерывной тренировки не остались без результатов.

Доктор сказал мне:

— Молодой человек, каким образом удалось вам развить такие мускулы?

Я объяснил ему, что люблю спорт и много в нем упражняюсь. Старый доктор пришел в такое восхищение от своего открытия, которое, очевидно, показалось ему из ряда вон выходящим, что даже вызвал из соседней комнаты группу офицеров, дабы и им дать возможность лицезреть такое чудо. Нечего и говорить, что я отчаянно сконфузился и готов был провалиться сквозь землю от такого обозрения моей персоны.

Однако это обстоятельство послужило мне на пользу. Восхищаясь моим физическим развитием, доктор совсем забыл исследовать

мое зрение. В результате я как нельзя легче прошел через осмотр и стал отбывать воинскую повинность.

Так как военная служба занимает всего несколько недель подряд, то у меня вполне хватало времени для продолжения тренировки по избранной мной специальности. Одно событие в это время едва не стоило мне жизни. Оно заставило меня пережить чуть ли не худшие опасности и трудности, чем те, что впоследствии выпали на мою долю в полярных странах.

Это событие произошло на двадцать втором году моей жизни при попытке предпринять некое подобие полярной экспедиции. Я выбрал себе спутника и предложил ему совершить экскурсию на лыжах в разгаре зимы через Хардангерское плоскогорье* от небольшой горной усадьбы Моген на восточной стороне до усадьбы Гарек на западной. Он охотно согласился, и мы покинули Осло во время рождественских праздников. На лыжах мы быстро добрались до Могена. Здесь мы остановились отдохнуть, так как это было последнее жилье на нашем пути. То был крохотный домик из двух комнат, где жили старик крестьянин с женою и двумя женатыми сыновьями, всего шесть человек. В те времена туристы совсем еще не посещали этих мест ни летом, ни зимою, так что наше неожиданное появление и в другое время удивило бы хозяев, а теперь, среди зимы, оно поразило их вдвое. Нам сразу же позволили переночевать. То были гостеприимные люди, они освободили нам место на полу перед печкой, где мы забрались в свои спальные мешки из оленьих шкур и отлично выспались.

На следующее утро шел снег, и днем разыгралась сильнейшая метель. Она длилась восемь дней, и все это время мы провели в усадьбе.

Разумеется, нашим хозяевам было весьма интересно узнать, по каким делам мы сюда явились. Когда же мы сообщили им наше намерение подняться на плоскогорье и пересечь его до Хардангер-фиорда, они сначала нам не поверили, а потом стали сильно за нас

* **Хардангер** — горная местность, расположенная в нескольких километрах от Осло, с плоскогорьем на высоте около 1800 метров, протянувшимся к западу почти до побережья Атлантического океана; там близ города Бергена имеется крутой спуск с двумя проходимыми тропинками. В те времена, о которых пишет Амундсен, здесь в летнюю пору пастухи-лопари пасли свои стада, а зимой это место было совершенно безлюдным.

беспокоиться. Всем трем мужчинам плоскогорье было отлично знакомо, и они предостерегали нас против перехода его в зимнее время. Никто еще не отваживался на подобную попытку, и они считали ее совершенно невыполнимой. Тем не менее, наше решение было твердо принято и мы не поддались их уговорам, так что на девятый день они проводили нас вверх по долине до подножия плоскогорья, чтобы показать нам лучшее место для подъема. Здесь они печально простились с нами.

Мы же, конечно, считали все это пустяками. Нам все казалось так просто. Плоскогорье здесь имеет около 10 миль* в ширину, и, будучи хорошими лыжниками, мы рассчитывали при наступившей вполне сносной погоде покрыть это расстояние самое большее в два дня. Наше снаряжение также соответствовало этим расчетам и было весьма просто. Кроме лыж и лыжных палок каждый из нас нес на спине спальный мешок из оленьих шкур. Палатки у нас не было. У каждого имелась небольшая сумка с съестными припасами и маленькой спиртовкой. Эти сумки были закатаны в спальных мешках. Наши припасы состояли из небольшого количества сухарей, нескольких плиток шоколада и масла — все это можно было растянуть в лучшем случае на восемь дней, при самых скудных порциях. У нас имелись карманный компас и обыкновенная карта местности.

Подъем на плоскогорье не представил никаких трудностей. Хотя, поднявшись, мы не нашли абсолютно ровной поверхности, но для перехода она все же показалась нам достаточно ровной, на местности не было, однако, никаких приметных пунктов, которыми мы могли бы руководствоваться в дороге. Ничего не было видно, кроме бесконечных рядов незначительных возвышенностей, ничем не отличавшихся друг от друга.

Нам пришлось поэтому определять путь по компасу. Целью нашей первого дневного перехода являлась пастушья хижина, расположенная приблизительно в центре плоскогорья. Стемнело рано, но с помощью компаса мы без труда нашли хижину, куда пришли под вечер.

Однако гордость наша по поводу этого достижения была весьма кратковременна. Мы обнаружили, что дверь и окна хижины заколочены, а дымовое отверстие заложено тяжелыми досками. Мы сильно

* В норвежской миле 10 километров.

устали после длинного перехода, ветер опять поднялся, и термометр показывал 12° ниже нуля. Поэтому нам стоило немалых трудов проникнуть в хижину и потом залезть на крышу для освобождения дымового отверстия, чтобы можно было разжечь огонь. Мы оба жестоко отморозили себе пальцы, и моему спутнику потом в течение многих недель грозила потеря одного пальца. К счастью, в хижине мы нашли сложенные дрова, но прошло немало времени, прежде чем нам удалось извлечь из них пользу для себя. Тот, кому приходилось разжигать огонь в открытом очаге, при температуре значительно ниже нуля, под холодной выстуженной трубой, поймет, как трудно нам было наладить надлежащую тягу. Холодный воздух непроницаемой пеленой висит над огнем, словно ковер, и нужно развести очень сильный огонь, прежде чем тепло начнет циркулировать по трубе. Пока мы старались над этим, маленькая хижина, конечно, наполнилась густым дымом, разъедавшим нам глаза и горло.

**Студийная
фотография,
воссоздающая
переход
через плато
Хардангер.**

*Р. Амундсен
(в центре)
и его друзья:
лейтенант
Урдал
и Вильгельм
Хольст.*

*Декабрь
1893 г.*

Но когда огонь был разведен и мы поужинали, то почувствовали себя прекрасно. В конце концов, забравшись в наши спальные мешки, мы улеглись на нарах у стены напротив очага и отлично заснули.

Однако утром мы убедились, что испытания наши только еще начинались. Ветер, поднявшийся накануне вечером, продолжал дуть по-прежнему и теперь сопровождался густым снегопадом. Метель так бушевала, что продолжать путь было бы сущим безумием. Пришлось нам покориться и ждать окончания снежной бури у нашего очага. Дальнейший осмотр хижины дал удачные результаты — мы нашли небольшой мешок ржаной муки, забытый кем-то из пастухов. Так как нам уже стало ясно, что следует беречь припасы, мы из этой муки сварили себе в железном котле над очагом жидкую похлебку. Мы провели в хижине два дня и все это время питались исключительно этой жидкой мучной кашицей.

На третий день буря немного улеглась, и мы решили продолжать наш путь на Гарен. Теперь необходимо было особенно тщательно определить наш курс, потому что на западной стороне имелось только два удобных для спуска места, находившихся в нескольких милях друг от друга. Надо было остановить на каком-нибудь из них свой окончательный выбор. Сделав это, мы отправились в путь.

Не успели мы отойти на значительное расстояние, как опять повалил снег и потеплело. Чтобы точно держаться выбранного направления, нам приходилось часто вытаскивать карту мокрый снег, падая на тонкую бумагу, скоро превратил ее в кашу. Теперь оставалось только идти по компасу и без карты.

Ночь настигла нас, прежде чем мы успели дойти до цели, и нам, конечно, не оставалось ничего иного, как разбить лагерь тут же на месте, под открытым небом. Эта ночь почти доконала нас. Развернув наши спальные мешки, мы положили сумки с продовольствием у себя в ногах. Там же мы воткнули в снег наши лыжные палки в качестве приметного знака на случай, если бы сумки занесло за ночь снегом. Мы провели очень неприятную ночь. Рыхлый снег таял на наших одеждах, отчего мы промокли насквозь. Когда мы залезли в мешки, от теплоты наших тел влага стала испаряться, вследствие чего мешки отсырели и изнутри. Открытие это было не из приятных, но еще хуже было то, что ночью стало подмораживать. Я проснулся в темноте полузамерзший и почувствовал себя так скверно, что не мог больше заснуть. Наконец я решил встать

и для восстановления кровообращения выпить немного спирту из спиртовки в моей сумке. Я вылез из спального мешка и стал бродить в темноте, пока не нащупал свою лыжную палку, после чего принялся искать сумку с продовольствием. К моему ужасу и удивлению, я никак не мог ее найти. С наступлением дня мы оба снова принялись за поиски, но так и не нашли ни одной из сумок. Мне по сей день так и не удалось подыскать сколько-нибудь правдоподобное объяснение этой загадки. Но с фактом спорить не приходилось — обе сумки исчезли бесследно.

Положение наше из неприятного сделалось чрезвычайно опасным. Необходимо было как можно скорее отыскать какое-нибудь жилье, иначе мы неминуемо замерзли бы. Перед лицом этой опасности мы опять устремились на запад, надеясь достигнуть края плоскогорья до наступления вечера.

Но нам и тут не посчастливилось. Скоро начался такой густой снегопад, что в нескольких шагах от себя мы уже ничего не видели. Поэтому мы решили, что нам остается только повернуть обратно и попытаться достигнуть исходной точки нашего пути на восточном краю плоскогорья. Но едва мы успели пройти несколько километров в новом направлении, как нас настигла ночь.

Ночь опять была сырая, мы промокли до нитки, а наши спальные мешки еще не просохли. Снег продолжал падать. Мы дошли до небольшого скалистого холмика, возвышавшегося на плоскогорье, и легли с подветренной стороны его, надеясь, что, защищенные от ветра, проведем ночь сравнительно сносно. И действительно, здесь было лучше, но я решил ввести еще одно усовершенствование. Вырыв в снегу пещеру такого размера, чтобы можно было в ней поместиться, я залез в нее головою вперед и втащил туда за собой спальный мешок. Моя идея оказалась удачной, так как здесь я был совершенно защищен от порывов ветра.

Однако ночью температура вдруг упала. Вследствие этого мокрый снег, нанесенный поверх и перед входом моей пещеры, стал смерзаться. Среди ночи я проснулся. Я лежал на спине, прикрыв глаза правой рукой с повернутой наружу ладонью, как обычно спят утром, чтобы не мешал свет. Мышцы у меня затекли от неудобного положения, и я инстинктивно попытался пошевелиться, но не был в состоянии сдвинуться с места хотя бы на дюйм, ибо буквально вмерз в сплошную ледяную глыбу. Я делал отчаянные

Скоро я перестал кричать, так как мне сделалось трудно дышать. Я понял, что мне нужно сохранять спокойствие, иначе мне грозит опасность задохнуться.

усилия, стараясь освободиться, но без малейшего успеха, стал звать моего спутника, но он, конечно, не мог меня услышать. Я почти оцепенел от ужаса. В своем испуге я, разумеется, подумал, что он тоже вмерз в этот мокрый снег и очутился в таком же положении, как я. Если не наступит быстрая оттепель, мы оба скоро замерзнем в наших страшных ледяных гробах.

Скоро я перестал кричать, так как мне сделалось трудно дышать. Я понял, что мне нужно сохранять спокойствие, иначе мне грозит опасность задохнуться. Не знаю — от скудного ли запаса воздуха, или по какой-либо другой причине, но я очень скоро заснул или потерял сознание. Очнувшись, я услышал далекие, слабые звуки. Значит, спутник мой не был в плену. Единственной причиной, почему он накануне не зарылся в снег, как я, был, вероятно, полный упадок сил, вызвавший у него равнодушие ко всему.

Так или иначе, но это обстоятельство спасло нам обоим жизнь. Проснувшись один в снежной пустыне и не получая ответа на зов, он начал лихорадочно искать какие-либо следы, указывающие на мое местопребывание. Следы были ничтожные, но, к счастью, они попались ему на глаза — несколько волосков оленьего меха моего спального мешка виднелись на снегу. Он немедленно принялся отрывать меня при помощи лыжных палок и собственных рук, чтобы высвободить меня из моей тюрьмы. На это он потратил три часа.

Мы оба изрядно ослабели. Было еще темно, когда мой спутник откопал меня, но мы слишком переволновались и не в состоянии были снова заснуть. Небо прояснело настолько, что можно было идти, ориентируясь по звездам. Мы шли уже в течение двух часов, когда спутник мой, державшийся впереди, внезапно исчез. Я каким-то инстинктом понял, что он свалился с обрыва, и тот же инстинкт помог мне спастись самому: я бросился плашмя на снег. В следующий миг я услышал его голос: «Не двигайся с места! Я упал с обрыва». Он упал с высоты около 30 футов, но, к счастью,

на спину, так что спальный мешок смягчил удар при падении. Он отделался одним испугом. Разумеется, мы больше не пытались продолжать наш путь, пока не рассвело. Тогда мы снова пустились в наши, по-видимому, безнадежные странствования.

Мы уже четыре дня ничего не ели, а жидкий мучной суп двух первых дней не очень-то способствовал нашему питанию. Мы почти выбились из сил. Единственное, что еще спасало нас от гибели, было изобилие питьевой воды. На плоскогорье имелись бесчисленные, соединявшиеся между собою ручейками, мелкие озера, и мы старались как можно больше наполнять свои желудки водой — это ослабляло муки голода.

К вечеру мы набрали на небольшой шалаш, наполненный сеном. Вокруг него тянулись лыжные следы. Это открытие придало нам новые силы, так как указывало на близость жилья. У нас появилась надежда, что если мы будем в состоянии выдержать еще день, то достигнем какого-либо жилища. Мы прекрасно отдохнули на сене. Глубоко зарывшись в него, мы проспали всю ночь. На следующее утро я вышел осмотреть окрестности. Спутник мой до того устал и обессилен, что не мог двинуться с места, и я оставил его лежать на сене, а сам пошел по лыжным следам.

Прошагав около часу, я увидел вдалеке человека. По моим сообщениям, это, вероятно, был крестьянин, вышедший на утренний обход, чтобы осмотреть силки, расставленные им для куропаток. Я громко позвал его. Он испуганно оглянулся и, к великому моему огорчению, принялся удирать от меня со всех ног. Эти одинокие крестьяне в горах весьма суеверны. Отважные перед лицом настоящей опасности, они пугаются созданий собственного воображения. Несомненно, этот крестьянин в первую минуту принял меня за привидение, блуждающее на пустынном плоскогорье.

Я позвал еще раз и вложил всю душу в этот крик. Очевидно, крик хорошо выразил мое отчаяние, так как человек остановился и, помедлив немного, пошел ко мне навстречу.

Я разъяснил ему наше отчаянное положение и спросил, где мы. Мне было трудно сразу понять его ответ, и, даже разобрав его, я не мог поверить своим ушам, так как оказалось, что мы находимся в каком-нибудь часе ходьбы от того крестьянского домика в Могене, откуда мы восемь дней тому назад отправились в нашу неудачную экскурсию.